

Наталья Викторовна Суржикова
кандидат исторических наук
доцент кафедры

Старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Сфера научных интересов — социально-политическая история России и Урала XX в. Специалист по проблемам военного плена. Автор более 100 научных публикаций. Проводившаяся в течение 2010 г. научно-исследовательская работа была ориентирована на исследование локально значимых институтов и практик, динамики и трендовых моделей их развития, опыта их взаимодействий и противодействий. Анализу был подвергнут коллективный и индивидуальный опыт, накопленный в результате пребывания на Урале военнопленных Первой (порядка 70 тыс. чел.) и Второй Мировых войн (250 тыс. чел.). При этом параллельно с изучением структурно-функциональных основ российского и советского плена и атрибутивно важных характеристик военнопленных как особой социальной группы особое внимание было уделено проблеме воздействия институтов и практик плена на локальные сообщества Урала, процессы их интеграции и дезинтеграции, конструирование идентичностей и мотиваций, выработку новых коммуникативных сценариев и их легитимацию. Тем самым удалось не только выявить и собрать воедино принципиально важные для характеристик российского/советского плена артефакты, но и определить степень влияния плена и его агентов на локально значимые процессы социально-экономического и социокультурного свойства. В течение года автором подготовлено и опубликовано 9 работ (включая одну в изданиях ВАКа), вышедших в Вологде, Екатеринбурге, Москве, Перми и Челябинске. Общий объем — 5,4 п.л. Приняла участие в работе 6 конференций: двух международных, трех всероссийских и одной региональной. На Всероссийской научно-практической конференции «Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX вв.» (Москва, май 2010 г.) выступила с пленарным докладом «Российский и советский плен как опыт неформальной коммуникации: каналы, сценарии, итоги (по материалам Среднего Урала)». Организовала и провела на базе сектора локальной истории и истории повседневности ИИиА УрО РАН научно-методический Интернет-семинар «Ритуал в истории. История в ритуале», который объединил порядка 35 исследователей из Оксфорда, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Перми и Челябинска (20 декабря 2010 г.).

Н.В. Суржикова

**РОССИЙСКИЙ ПЛЕН 1914 – 1918 гг.: СПЕЦИФИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИЗАЙНА И КОММУНИКАТИВНЫХ
СЦЕНАРИЕВ (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО УРАЛА)**

Достаточно беглого взгляда на отечественную историю, дабы констатировать, что в Россию как страну, воевавшую практически постоянно, неизбежно возвращалась реальность военного плена. Однако российский плен, порожденный Первой Мировой войной, заметно отличался от своих более ранних аналогов. Беспрецедентно массовый и радикальный, он не просто отразил тенденцию тотализации войны как таковой, но и зримо обособился, перерос из просто закономерного следствия войны в нечто большее, возымевшее

свои собственные последствия¹⁹⁵. Во многом это было обусловлено спецификой тех институтов, которые возникли в пространстве плена, и коммуникативных практик, отличавшихся разновариантностью своих сценариев.

Благодаря сформировавшейся вокруг плена Второй Мировой войны историографической традиции при исследовании аналогичного опыта Первой Мировой войны анализ его структур сегодня в основном фокусируется на изучении лагеря и его «морфологии»¹⁹⁶. Однако системность лагерей, созданных в годы Первой Мировой войны для содержания военнопленных, не является безусловной. Прифронтовые и тыловые лагеря для военнопленных были для их обитателей не более чем временным пристанищем, транзитным пунктом на пути следования к местам работ. Неудивительно поэтому, что в то время как карта советских лагерей для военнопленных II-й Мировой войны позволяет с успехом изучать экономическую географию военного и поствоенного СССР, дислокация российских лагерей для узников Первой Мировой войны ничего, кроме известных сведений об административно-территориальном делении страны и окружающей системе военной организации, сообщить не может.

Поуездно расположенные лагеря для пленных иностранцев, будучи своего рода биржами труда, даже внешне мало походили на лагеря ГУПВИ–УПВИ НКВД/МВД СССР¹⁹⁷, не зная ни колочей проволоки, ни вышек по периметру, ни специально построенных барачных «городков». Для размещения пленных на местах воинские начальники, в чье ведение поступали отвоёванные солдаты и офицеры противника, как правило, использовали уже имевшиеся строения.

¹⁹⁵ К числу таковых можно смело отнести вовлечение пленных Первой Мировой войны в Гражданскую войну в России и последовавшее затем строительство «светлого социалистического будущего».

¹⁹⁶ См., в частности: *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: Учеб. пособие к спецкурсу. М., 1999; *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914 – 1917) // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. статей. Омск, 1997. С. 154 – 180; *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914 – 1918 гг.). Хабаровск, 2004; *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915 – 1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 83 – 94; *Ниманов Б.И.* Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы первой мировой войны // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2009. № 2. С. 53 – 61; *Полкарпов В.В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском в 1915 – 1916 гг. // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 94 – 105; и мн. др.

¹⁹⁷ УПВИ/ГУПВИ – Управление (с января 1945 г. — Главное управление) по делам военнопленных и интернированных, созданное в структуре НКВД СССР в сентябре 1939 г. и ликвидированное в 1953 г. с передачей его функций и контингентов Тюремному управлению МВД СССР.

Так, под лагерь военнопленных в с. Верхние Муллы Пермской губернии были арендованы частные дома, а также помещение волостного земства; в Верхотурье — здание женской гимназии; в Оханске — земский арестантский дом; в Красноуфимске — казенный винный склад, а также площади приготовительно-технического класса промышленного училища; в Соликамске — соляные амбары городского общественного управления; в Шадринске — здания старого городского театра и ломбарда, дома Поклевского и Усова; в Осе — дома Вышеславцевой, Дудорова, Медведева и Кудрявцева, амбары Байдина, Крылова и Горшкова, а также церковно-приходское училище; в Екатеринбурге — помещения Вознесенской и Гоголевской школ, постройки в Харитоновском саду, новый гостиный двор, Верх-Исетский народный дом-театр, номера Александра и «Тихий Дон»; в Ирбите — Екатерининская школа, Москательные корпуса и корпуса Феттер-Гинкель, гостиный двор и лучшая в городе гостиница «Ирбитское подворье», где размещались офицеры¹⁹⁸.

Те же лагеря, которые возникли непосредственно в районах трудового использования отвоёванных солдат противника Первой Мировой войны, лагерями могут именоваться лишь условно. Это была альтернативная, параллельная созданным по линии военного ведомства лагерям сеть мест водворения военнопленных, конфигурацию которой определяли региональные экономические элиты, активно пользовавшиеся возможностью вовлечения пленных в трудовые процессы¹⁹⁹.

подавляющее большинство трудовых лагерей военнопленных (за исключением тех, которые возникли при казенных предприятиях), таким образом, оказалось выведено из прямого подчинения государству и, очевидно, являло собой весьма пеструю картину, с трудом поддающуюся реконструкции. Распределенные по малым, средним и крупным предприятиям пленные оказывались зачастую в совершенно разных условиях содержания и обеспечения, задаваемых не столько диктуемой сверху логикой их унификации, сколько характером и возможностями того или иного хозяйствующего субъекта. Те же пленные, которые раздавались крестьянам для сельскохозяйственных работ, вообще выпадали из лагерных структур, становясь едва ли не полноправными членами хозяйских семей²⁰⁰.

«Опыт применения труда военнопленных на различных работах выяснил крайнее разнообразие постановки этого дела в различных

¹⁹⁸ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 1 и др.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 146. Л. 2–22; Уральская жизнь. 1915. 11, 19, 22, 29 апр.

¹⁹⁹ Широкое вовлечение пленных в трудовые процессы стало возможно после издания следующих документов:

²⁰⁰ См. об этом, напр.: Пермская земская неделя. 1915. 26 февр., 1916. 24 апр.; Зауральский край. 1915. 21 мая.

местностях Империи», - гласил циркуляр Министерства торговли и промышленности от 27 июня 1916 г.²⁰¹ Время доказало, что ни этот документ, ни его многочисленные аналоги, нацеленные на наведение в деле администрирования труда пленных и их жизнеобеспечения хотя бы относительного порядка, ситуации не изменили. «Учрежденные общие правила содержания военнопленных на работах, кои своевременно преподаны были на места для руководства ими, на самом деле исполняются работодателями чрезвычайно разнообразно», — не без некоторого уныния констатировал 17 октября 1917 г. начальник штаба Казанского военного округа²⁰².

Российский плен 1914 – 1918 гг. не знал и таких специальных институтов, как особые госпитали для лечения пленных и кладбища для захоронения умерших. Власти — центральные и местные, военные и гражданские — не спешили тратить средства на эти цели, приспособливая под пленных уже имевшиеся институты. Именно по этой причине организация медицинской помощи вражеским военным отличалась чрезвычайной запутанностью и разнообразием, так и не превратившись в системную. Лечение пленных, страдающих незаразными болезнями, было возложено на пользовавшиеся их трудом предприятия, а борьба с эпидемиями и их профилактика — на земские органы. Военные власти взяли на себя только медицинское обслуживание пленных, находившихся на работах ведомства, а также лечение хронически и психически больных, да и то с большой неохотой.

В марте 1916 г. командующий войсками Казанского военного округа распорядился направлять пленных в военно-лечебные заведения лишь в том случае, если «гражданские и земские лечебные заведения будут категорически отказываться от их приема»²⁰³. Не удивительно, что пленные иностранцы, как правило, проходили лечение там же, где и местные жители – в заводских или земских больницах, а в случае печального исхода находили свой последний приют на одних и тех же приходских кладбищах²⁰⁴.

Очевидно, таким образом, что структурные особенности российского плена 1914 – 1918 гг. напрямую зависели от его функционала. Причем решающее влияние на формирование его институциональной среды оказала, прежде всего экономика плена. Предельно широкое вовлечение пленных в хозяйственную жизнь страны, кроме того, обернулось еще и негласным отказом от нормативно предписанной геттоизации пленных, что, в свою очередь,

²⁰¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 19–20.

²⁰² Там же. Л. 124.

²⁰³ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 173, 231; ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 75. Л. 3; Ф. 55. Оп. 1. Д. 982. Л. 69.

²⁰⁴ Подтверждением тому служат, прежде всего, метрические книги и справки врачей, фиксирующие факты безвременной гибели пленных. См., напр.: ГАСО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27. Л. 178 – 274.

превратило российский плен в пространство активной неформальной коммуникации²⁰⁵.

Как и любой другой аспект социального взаимодействия, неформальная коммуникация в пространстве плена имела свои мотивы и цели, смысловую и содержательную нагрузку, могла носить как приватный, межличностный, так и публичный, массовый характер. Статистика же коммуникативных удач или неудач, как показывают источники, напрямую зависела от возраста и социального статуса общавшихся, их гендерных характеристик, а также от наличия или отсутствия у второй части коммуникантов (условно говоря, русских) относительно «свежего» боевого опыта.

Дети и взрослые, горожане и селяне, мужчины и женщины, бывшие фронтовики и мирные обыватели реагировали на появление в регионе пленных иностранцев по-разному. Вместе с тем, репертуар коммуникативных практик, реализовавшихся в пространстве между конфронтацией, негативным консенсусом и дружеским общением, с течением времени только расширялся, и на каждую новую попытку административного нажима находилась свой симметричный ответ.

Поэтому, оказав или не оказав влияние на функционирование относительно стабильных социальных институтов, неформальная коммуникация в пространстве плена стала важным условием для развития тех или иных коммуникативных навыков и повышения коммуникативной компетентности ее агентов. Что еще важнее, неформальная коммуникация способствовала моделированию и структурированию плена как социального института, выполняя тем самым еще и социально-охранительную функцию. Проблема при этом состояла не в том, что властям не удалось выстроить четкую систему формальных коммуникаций и неформальные в итоге стали ее компенсационным дополнением.

На бытовом уровне они воспринимались как естественное продолжение нормативных коммуникативных практик, что позволяет номинировать плен как изначально дуалистичную реальность, в которой официально санкционированные институты и модели поведения составляли лишь верхушку айсберга. Его видимой части противостояла (скорее, дополняла его) невидимая часть, «утопленная» в каждодневных, а потому малоинтересных для «большой» истории плена бытовых мелочах, историизация которых является важнейшим условием иммунизации представлений о прошлом от поверхностных генерализаций и универсалистских интерпретаций.

²⁰⁵ См. подробнее: *Суржикова Н.В.* Уральский плен 1914 – 1917 гг. как пространство неформальной коммуникации: к постановке проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы IX Всерос. научн. конф., посв. 85-летию д.и.н., профессора А.В. Бакунина. В 2-х тт. Екатеринбург, 2009. Т. II. С. 360 – 366.